

УДК 82 (091)

DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-77-83

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XV–XVI СТОЛЕТИЙ

В.Ю. Меринов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается патриотическая идея в древнерусских текстах как категория, взаимосвязанная с историей и характером формирования древнерусской культуры в целом и Московского государства в частности. Утверждается, что фундаментом, на котором выстраивалась вся конструкция патриотической идеи, стал иерархический принцип понимания мира. Ведущими компонентами, формирующими патриотическую идею, стали представления о природе, роли и назначении власти, Русской земле, доминирующем типе человека. Так, фигура царя приобрела сакральное значение не только благодаря самому «факту» происхождения, но и через отождествление власти с моральными понятиями Добра, представлениями о правильном социальном Порядке. Защита этого социально-нравственного единства от многочисленных врагов (внешних и внутренних), являлась главной задачей власти. Идеальным человеком в древнерусских текстах стал служивый человек - «воинник», дисциплинированный и готовый к самоотречению.

Ключевые слова: древнерусская публицистика, патриотизм, русская власть.

Введение, объект и методы исследования

Патриотическая тема – важнейшая в древнерусской словесности. Об этом не раз справедливо упоминали самые авторитетные исследователи древнерусской литературы и публицистики (Д.С. Лихачев, В.В. Кусков и др.). Так Д.С. Лихачев, наряду с традиционностью, «литературным этикетом», «средневековым историзмом», относил «гражданственность и патриотизм» к числу фундаментальных свойств древнерусской литературы и постоянных особенностей русской литературы «... на протяжении всего ее существования» [История русской литературы, 1979]. В это понятие ученый вкладывал любовь древнерусских авторов к родине, воплощающуюся в образы родной земли, любование её красотой, красотой и великолепием архитектурных ансамблей, в чувстве гордости её успехами и достижениями, в восхищении силой духа и военной доблести героев-защитников, а порой и в негодовании в отношении неразумных князей и бояр. Исследователь писал, что «... древнерусский писатель уже в XI в. воспринимал свой труд как труд служения родной стране» [История русской литературы, 1979].

Тема патриотизма раскрывается и на примере киевского периода развития литературы и публицистики («Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Поучение» Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Сказание о Борисе и Глебе» и др.), времени монголо-татарского нашествия («Повесть о разорении Рязани», «Слово о гибели Русской земли», житийные истории о рязанском князе Романе, Михаиле Черниговском и др.), и её московского этапа («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Житие Сергия Радонежского» Е. Премудрого, «Сказание о князьях Владимирских», «Степенная книга»,

«Великие Четы Миней» (под ред. митрополита Макария), «Сказание о Петре, волоском воеводе», «Сказание о Магмете-салтане» И. Пересветова и др.).

Современные исследователи отмечают, что особенностью репрезентации идеи патриотизма московского этапа было, в том числе «... показать мировое значение Русского государства», а также «... обосновать идею божественности как светской, так и церковной власти и вселить веру в непоколебимость государственных основ, в мудрость правителей», справедливо отмечая то, что данный подход «... отражал сущность зарождавшегося официально-государственного патриотизма, требующего безоговорочного принятия существующих порядков» [Колпачева, 2015]. Мы видим здесь попытки связать тему «патриотизма и гражданственности» со знанием социально-политических форм, политической культуры. Однако считаем, что эти попытки недостаточны для полного рассмотрения темы патриотизма и объективного выявления авторской позиции. При описании ценностных категорий в текстах, в которых голос автора неизбежно, в силу социальной зависимости, связан с голосом власти, невозможно игнорировать культурно-политические типологические особенности государства и обойтись без интерпретации, учитывающей эти зависимости. Иначе система описывается в терминах, ею же предложенных, представляя собой процесс «самоописания» в удобных и выигранных для неё формулировках: «Самый очевидный признак этого порядка взаимосвязи социальной структуры и самоописания общественной системы состоит в возможности бесконкурентной репрезентации общества в обществе» [Луман, 2004].

Мы полагаем, что для более точного определения специфики патриотического чувства, кроме уже отмеченных черт, необходимо понимание того, что содержание патриотической идеи было многоаспектным и включало в себя разнообразные категории и ценности. Думается, что её наполнение в XVI веке в первую очередь было обусловлено фундаментальным принципом традиционалистского, в том числе религиозного, сознания – иерархизмом. Иерархизм – универсальный принцип человеческой культуры, однако в данном случае речь идет о системе мышления, в которой мир был представлен как стройная пирамида социального соподчинения, обеспечивающая общий Порядок.

Второй аспект, на который мы хотели бы обратить внимание, – это социально-политическая природа нового государственного образования, то есть формирование определенных типов социальных отношений, которые напрямую воздействовали на выработку главных ценностей, в том числе на наполняемость идеи патриотизма. Составными её частями стали представления о земле, власти, народе и человеке. Среди главных факторов, создававших контуры социального организма, и, соответственно, идеи патриотизма, ведущим, так или иначе, обусловившим все другие, стал процесс централизации, то есть концентрации политических и военных ресурсов и мощи в одной точке политического пространства. Централизация сопровождалась уничтожением (ослаблением и деградацией) независимых центров политического влияния (свободных торговых городов (Псков, Новгород и др.), удельных княжеских центров, влияния боярских родов) [Зимин, 1991], укоренением в социальных практиках мобилизационных технологий, принуждения, милитаризацией социального пространства, выходом на первые позиции в государстве военной аристократии (служивого дворянства) [Зимин, 1991], укреплением крепостного права, то есть, тех процессов, которые составили сущность «внутренней колонизации» [Уффельман, Кукулин, Эткинд, 2012; Эткинд, 2014]. К. Маркс отмечал у подобных образований «азиатский способ производства», К. Виттфогель называл их «гидравлические общества» [Виттфогель, 1957], а Д. Норт «естественными государствами» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011].

Сословный (с чертами кастовости) характер социальной конструкции оставлял за пределами политической жизни основную массу населения – крестьянство, не влиявшую на принятие решений политического характера. Крестьянская культура замыкалась в

традиционалистском, авторитарно-коллективистском культурном гетто [Ахиезер, 1998]. Восточное греческое христианство легитимизировало складывающийся самодержавный порядок, освящало иерархию авторитетом Священного писания. Монастыри становились идеологическими центрами консервации политической ситуации. Другим идеологическим консервантом стала языческая культура – внеполитическая, замкнуто-деревенская, коллективистская, внеличностная, традиционалистская [Веселовский, 1989].

Наконец, третий аспект, который, по нашему мнению, необходимо учитывать, интерпретируя тему патриотизма, является этико-психологическая конфигурация личности, формирующейся в данных социальных условиях. Психологические основы этой личности были хорошо описаны в работах Франкфуртской школы критической социологии и социальной психологии, создавшей психологические конструкты «авторитарной личности», «авторитарной совести» [Фромм, 1992; 1993, Адорно и др. 2001], отечественной школы социальной психологии, исследовавшей феномены средневекового человека [Гуревич, 1984; 1990], «советского простого человека» [Левада, 2006; 2011; Советский простой человек, 1993; Гудков, 2009; 2001; Асмолов, 1996; Асмолов, Гусельцева, 2016]. В рамках исследований были выявлены главные черты: конформизм, установка на дисциплинированность и послушание («мазохистская зависимость» [Фромм, 1992]), высокая социальная приспособляемость, лояльность власти, отчуждение от власти (политической сферы), готовность подчиняться, подавление собственного «Я», вплоть до самопожертвования, ради установленных (навязанных) авторитетным Другим целей, агрессивность (неприятие) в отношении «Чужих», предпочтение насильственных практик к непослушным (отклоняющимся) и т.д.

Результаты и их обсуждение

Власть и человек как элементы патриотической идеи

Названные социально-политические и социально-психологические предпосылки определили мифопоэтическую природу и наполняемость патриотической идеи в XV-XVI вв. Стержнем и главной ценностью патриотической структуры (нравственно-мыслительного комплекса) является власть. В условиях сосредоточения всех полномочий в руках одного человека, образ власти персонифицируется и концентрируется в одном лице (великого князя или царя). Именно поэтому разговор о власти в древнерусских сочинениях неизбежно становится разговором о личных качествах государя, его поступках, желаниях, нравственных качествах.

Мифопоэтическая природа патриотического чувства раскрывается в моделях идеальных правителей, представленных в текстах. Идеал, в свою очередь, связан с авторитарным пониманием задач и функций власти. Мифопоэтизации удаётся власть (личность, вождь) авторитарного типа, «сильная», могущая проявить и проявляющая волю, способная навязать её другим. Это власть абсолютная, не предусматривающая договора с поданными об ответственности сторон (феодалных ограничений, прав вассалов). Царь сам волен решать советоваться ли ему со своими приближенными или нет. Максимум, на что может претендовать подданный, быть выслушанным (см.: Курбский «История о великом князе Московском», Грозный «Послания Андрею Курбскому»). Собственная позиция, несогласие, нежелание стать жертвой трактуется властью как «измена», «отступничество» от Целого (предательство Отечества) (см.: Сочинения Симеона Суздальца, Иван Грозный «Послания Андрею Курбскому»).

Образ идеального авторитарного правителя вбирает в себя предельные категории: морально-волевые – решительность, храбрость, мужественность, готовность к действию (к войне), царь выступает как военный вождь, он заботится о «воинниках» (служилых дворянах) (см.: И. Пересветов «Сказание о Магмете-салтане»); интеллектуальные –

способность к самостоятельному планированию и предвидению, даже физические – красота, сила (см.: Сочинения Симеона Суздальца, «Казанский летописец»), духовно-нравственные (зачастую связанные с силой, способностью воевать) – чистота и защита веры от внешних и внутренних врагов и руководство церковными делами (см.: Сочинения Симеона Суздальца, И. Волоцкий «Просветитель...», И. Пересветов «Сказание о Магмете-салтане», А. Курбский «История о великом князе Московском»). Назначение власти – сохранять «правильный» авторитарный Порядок, порядок вертикали соподчинения, в котором за каждым (человеком и группой) закреплена его социальная роль, его место, определенное традицией и волей царя. Таким образом, идеальная русская власть в патриотическом дискурсе XV-XVI вв. выступает как власть тотальная [Фуко, 2011, 172], а царь – это хозяин-рапорядитель всего – территории, имущества, тел и душ (см.: Иван Грозный «Послания Андрею Курбскому», послания европейским государям).

Согласно мифопоэтической природе патриотической идеи, задачи, решаемые властью, носят судьбоносный характер. Царь находится на переднем крае эпического противостояния Добра и Зла, выступает в роли мессии – единственного полномочного хранителя чистоты веры (см.: сочинения Симеона Суздальца), заступника православных от неверных («Казанский летописец»). Образ власти, царя становится в патриотическом комплексе представлений XV-XVI вв., изоморфен моральным понятиям Добра, святости, а «грозный» характер власти, военная сила не только не противоречит патриотическому пониманию Добра, но и вполне естественно из этого понимания и вытекает. Отсюда особый воинственный дух средневековых сочинений, эстетизация и оправдание войны как богоугодного дела (см.: «Казанский летописец», А. Курбский «История о великом князе Московском»).

Соответственно пониманию функций власти, главной ценности патриотической идеи XV-XVI вв., строится и концепция человека. Человек (православный, дворянин) выступает как, своего рода, «образ и подобие» главной фигуре власти, однако не во всем. Отличие его состоит в неспособности и даже преступности выстраивать собственные смыслы относительно судьбоносных для страны событий (исключение, пожалуй, здесь составляет ближний круг царя – советники). Это человек, как говорил Ю.М. Лотман, с «нулевой семиотикой». Его задача не производить смыслы, а их защищать. Поэтому идеальный гражданин патриотической идеи – служивый человек. Он четко и ответственно относится к поручениям власти, по-военному дисциплинирован, готов к подвигу, к самоотречению. Это человек, рожденный быть идеальным помощником.

Русская земля как элемент патриотической идеи

Кроме власти, понятием тождественным Добру и святости выступает и Русская земля. Её ценность измеряется соответствием настоящего и идеального Порядка, устроенного на ней. Последний включает представления о четкой и простой авторитарной вертикальной структуре управления (гаранте Порядка) и правильной (православной) вере, вбирающей представления об устрашающей силе и тотальной власти Бога и его полномочного наместника на земле. Важной чертой патриотической идеи является идея морально-нравственного превосходства Русской земли (Московской Руси), власти и русского человека над другими странами, народами и их правителями, которая вылилась в отточенную формулу инок Филофея «Москва – Третий Рим» (см.: сочинения Симеона Суздальца, И. Волоцкий «Просветитель...», «Повесть о белом клобуке», «Сказание о князьях Владимирских», «Слова» Максима Грека).

Враги как элемент патриотической идеи

Враги являются важным элементом патриотической идеи в произведениях XV-XVI вв., ведь власть, отстаивая Добро-Русскую землю, всегда как правило, кого-то побеждает.

Единственную правильную (авторитарную, православную) страну во главе с царем-мессией, как правило, окружают неправильные, «неправедные» земли. Здесь власть слаба, маловажна, изнежена, отказывается исполнять свой воинский долг (см.: А. Курбский «История о великом князе Московском»), безбожна, или где неверные подданные впали в грех, неправильное христианство, вернее, «ложь», ересь (см.: Сочинения Симеона Суздальца, И. Волоцкий «Просветитель...») или, напротив, фанатично исповедуют в сатанинскую веру (см.: «Слова» Максима Грека).

Враги морально развращены, им не дает покоя святость Русской земли и сила её правителей (см.: Сочинения Симеона Суздальца, «Повесть о белом клобуке»). Они заслуживают только презрения. Всех их можно и нужно разоблачать, высмеивать, не придерживаясь никаких правил этикета, в том числе, дипломатического (см.: И. Грозный послания европейским государям, «Слова» Максима Грека). Над ними одерживаются великие и славные победы не только на поле боя, но и в идеологическом (историческом) пространстве (см.: «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о белом клобуке»).

Заключение

Подведем краткий итог. Мы полагаем, что патриотическую идею в древнерусских сочинениях XV-XVI вв. необходимо рассматривать в тесной связи с ведущими социально-политическими процессами того времени, влиявшими на основные социально-психологические установки авторов и, соответственно, на их картины мира. В ходе исследования выяснилось, что в патриотический комплекс входят представления о превосходстве Русской земли над другими странами, идеальном (авторитарном) типе власти, а также идеальном человеке – «воиннике». Фигура царя приобрела сакральное значение черты не только самим «фактом» происхождения («Сказание о князьях Владимирских»), но и через отождествление власти с моральными понятиями Добра, представлениями о правильном социальном Порядке. Защита этого социально-нравственного единства от многочисленных врагов (внешних и внутренних), являлась главной задачей власти.

Список литературы

1. Адорно Т., Невитт Сэнфорд Р., Френкель-Брюнвик Э., Левинсон Д. 2001. Исследование авторитарной личности М. Академия исследований культуры.
2. Асмолов А.Г. 1996. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М. Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК». 768 .
3. Асмолов А.Г., Гусельцева М. С. 2016. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе. Мир психологии, 4 (88): 14-28.
4. Ахиезер А.С. 1998. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск. Сибирский хронограф. 804.
5. Веселовский А.Н. 1989. Историческая поэтика. М. Высшая школа. 406.
6. Виттфогель К.А. 1957. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти. 350.
7. Гудков Л. 2009. Условия воспроизводства «советского человека». Вестник общественного мнения, 2 (100): 8-37.
8. Гудков Л. 2001. "Тоталитаризм" как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М. 20-29.
9. Гуревич А. Я. 1984. Категории средневековой культуры. М. Искусство. 350.
10. Гуревич А. Я. 1990. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. Искусство. 396.
11. Зимин А. А. 1991. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М. Мысль. 286.
12. Ирвин А. 2012. Философия истории. М. 386.

13. Колпачева О. Ю. 2015. Древнерусская литература как фактор патриотического воспитания. Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа. Лето: 20-23.
14. Левада Ю.А. 2011. Сочинения: проблема человека. Москва. 526.
15. Лихачев Д. С. 1979. История русской литературы X — XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М. Просвещение. 462.
16. Луман Н. 2004. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. СПб.
17. Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. Изд. Института Гайдара. 480.
18. Фромм Э. 1992. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск. «Коллегиум». 253.
19. Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб. Наука. 544.
20. Эткинд А.М. 2014. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». М. Новое литературное обозрение.
21. Уффельман Д., Кукулин И. А., Эткинд А.М. 2012. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М. Новое литературное обозрение.